

В полдень Капе наконец покинул стены следственного изолятора. И хотя к нему, как к самцу, не применяли никаких физических мер воздействия, необходимость провести целую ночь в тесной и промозглой допросной стала для его изнеженного тела изощрённой пыткой.

По пути домой, сидя в роскошном флаере, самец не переставал яростно проклинать Чу Суя. В порывах злобы он то и дело тревожил рану на голове, что заставляло его ненавидеть Повелителя ещё сильнее. К его великому разочарованию, рядом не оказалось никого, кто мог бы посочувствовать его страданиям.

Его самого отпустили, но все его наложницы остались гнить в межзвёздной тюрьме. Даже Дик всё ещё находился под следствием.

Голова Капе была обмотана толстым слоем бинтов, и из-за постоянного ощущения невесомости при движении машины его начало подташнивать. Он с трудом выпрямился, но, выглянув в окно, замер от ужаса. Пейзаж за стеклом был совершенно незнакомым: вместо городских высоток — бескрайние густые леса. Они явно летели в глушь. Пленник со злостью пнул спинку водительского сиденья:

— Проклятие! Ты хоть знаешь, куда едешь?!

Водитель не обернулся и не проронил ни слова, продолжая вести флаер вперёд.

Не дождавшись ответа и видя, что местность становится всё более дикой, Капе окончательно запаниковал. Осознав, что дело принимает скверный оборот, он, заикаясь, закричал:

— Стой... Остановись! Ты что, оглох?!

Водитель проигнорировал его. Пролетев ещё некоторое время, он наконец пошёл на посадку. Перед ними разверзлась бездонная пропасть, а край дороги был завален острыми обломками скал. Вокруг — ни души, настоящий край света. Капе в ужасе попытался активировать оптический компьютер, чтобы вызвать полицию, но на экране всплывали лишь беспорядочные символы — сигнал был полностью заблокирован.

Водитель вышел из машины и, бесцеремонно вытащив пленника из салона, потащил его прочь. Он совершенно не заботился о статусе самца: грубо схватив его за волосы, он рванул его на себя так сильно, что рана на лбу снова открылась. Кровь мгновенно пропитала бинты. От острой боли Капе залился слезами, не в силах внятно выговорить ни слова:

— Что... что ты задумал? Я заплачу тебе... Очень много денег... Только отпусти меня...

Похититель хранил молчание. Он достал из кармана пульт управления, настроил что-то одной

рукой и с сухим щелчком нажал на кнопку. Флаер, в котором только что сидел самец, внезапно взревел мотором и, потеряв управление, на полной скорости рухнул в пропасть. Спустя мгновение снизу донёлся грохот мощного взрыва.

Капе задрожал всем телом, глядя на поднимающийся дым.

— Что ты делаешь... Зачем?!

Водитель наконец соизволил взглянуть на него. Его лицо было совершенно заурядным, но на шее виднелась тонкая полоска — след от реалистичной маски.

— Ах, глубокоуважаемый господин Капе, — в его голосе прозвучал издевательский интерес. — Вам, должно быть, любопытно, к чему всё это? Видите ли, если не устроить этот маленький спектакль, как остальные поверят, что от вас не осталось даже праха?

Пленник похолодел от ужаса. Прежде чем он успел осознать смысл фразы «не осталось даже праха», в затылок ударила резкая боль, и мир вокруг него окончательно погрузился во тьму.

Это место находилось далеко за пределами жилых кварталов. По ночам здесь рыскали хищники, и забредали сюда лишь военные во время учений. В такой глуши, если флаер падает в ущелье и взрывается, от «хрупкого» и «драгоценного» самца действительно не остаётся даже костей.

А уж почему Капе оказался здесь и как он погиб — кого это волнует? Угнетённых инсектоидов, которых он использовал для спаривания? Или жадных и равнодушных братьев-самцов?

Лёгкий ветерок прошелестел в кронах деревьев. Кроме едва уловимого запаха гари, в воздухе не осталось ничего, что напоминало бы о недавней трагедии.

Когда Капе пришёл в себя, голову раскалывало от боли. Он мутно огляделся и попытался пошевелиться, но тут же услышал лязг цепей. Холодный металл впился в запястья, причиняя невыносимую боль, от которой остатки сна мгновенно улетучились.

Руки пленника были скованы и высоко подняты — он висел, словно туша в мясной лавке. В панике озираясь по сторонам, он увидел ослепительно белые стены. В нос ударил резкий запах антисептика. Через прозрачное стекло он разглядел сложные медицинские приборы и фигуры в защитных костюмах. Инсектоиды в масках и очках, лиц которых было не разобрать, возились с пробирками.

Они только что закончили брать образцы его феромонов.

— О, прошло целых двадцать четыре часа. Наш драгоценный господин Капе наконец соизволил очнуться?

Обернувшись на звук, самец увидел в углу этой герметичной комнаты ещё одного инсектоида. Это был Альвин. Он сидел на стуле, не сводя с пленника тяжелого, изучающего взгляда.

Зрачки Капе сузились, он отчаянно забился в оковах, заставляя цепи греметь.

— Альвин! Ты посмел похитить меня?! В Империи это карается смертью!

Собеседник лишь иронично выгнул бровь. Он медленно поднялся со своего места, подошёл к пленнику и без всякого предупреждения нанёс мощный удар в живот. Даже применив лишь малую часть своей силы, воин заставил Капе захлебнуться стоном. Тот скорчился от невыносимой боли, жадно хватая ртом воздух и не в силах вымолвить ни слова.

Альвин небрежно размял кулак.

— Что такое? Привык втапывать нас в грязь и держать под каблуком, а теперь, когда роли поменялись, кажется чем-то невообразимым?

Он нанёс ещё один удар, а затем тихо, с пугающей усмешкой произнёс:

— Избивать нас было весело, не так ли? Что ж, сегодня твоя очередь пробовать на вкус инструменты, которыми ты так любил пользоваться. Посмотрим, на сколько тебя хватит.

Альвин был воином А-ранга. Несмотря на то что он сдерживался, пары ударов хватило, чтобы самец начал харкать кровью. Мучитель уже занёс руку для следующего выпада, но его запястье внезапно перехватили. Раздался холодный, спокойный голос:

— Его жизнь ещё может нам пригодиться.

Альвин обернулся и, увидев А-Но, неохотно опустил руку. Схватив со стола кинжал, он швырнул его товарищу:

— Он не сдохнет. Пырни его пару раз, выпусти пар.

Генерал машинально поймал кинжал. Лезвие, холодное как лёд, чётко отразило его синие глаза. Капе, едва дыша, затряс головой, захлебываясь кровавой пеной:

— Нет... не надо... кха-кха... не убивайте меня... умоляю...

А-Но перевёл на него взгляд. Острие кинжала медленно скользнуло по ткани одежды в области сердца, словно он примеривался, где именно находятся жизненно важные органы. Достаточно было лёгкого нажатия, и в следующую секунду брызнула бы кровь.

— Лязг!

Генерал ещё не успел ничего сделать, а самец от ужаса едва не лишился чувств. Он отчаянно задергался, и его тело, качнувшись, задело лезвие. На груди осталась длинная кровавая борозда. Зайдясь в крике от боли и шока, он снова провалился в обморок.

А-Но остался совершенно безучастным. Он бросил кинжал обратно на стол и, прикрыв нос и рот платком, проверил уровень выброса феромонов пленника. Спустя мгновение он сухо сообщил Альвину:

— Уровень активности — ноль.

Давно было доказано: если самец находится в состоянии запредельного ужаса или болевого шока, он не способен вырабатывать феромоны.

Альвин не удивился:

— Юлий уже вплотную занялся исследованиями. Теперь, когда у нас есть эта падаля для опытов, разработка подавляющих препаратов пойдет куда быстрее.

Если инсектоид во время всплеска буйства крови не получает успокоительного воздействия феромонов, его тело начинает костенеть. Мышцы отвердевают, начиная с кистей рук, и постепенно этот процесс охватывает весь организм. Когда замирает сердце, жизнь обрывается.

Альвин уже приближался к критической фазе. Его характер становился всё более непредсказуемым, а аура дышала раздражением и тревогой. А-Но взглянул на него и негромко спросил:

— Ты действительно не собираешься найти себе самца и заключить союз?

Хотя бы не ради любви или верности. Просто чтобы выжить.

Только ради того, чтобы жить дальше...

Эти слова заделали воина за живое. Он с силой пнул ножку стола:

— Я лучше сдохну, чем буду ползать в ногах у этого бесполезного скота, вымаливая каплю феромонов. Они слишком долго возомнили себя богами и забыли, чьими жизнями куплен этот мирный покой.

Генерал на мгновение задумался, глядя в окно на колышущиеся ветви деревьев.

— Альвин, возможно, не все самцы такие, как Капе.

Тот обернулся, его глаза всё ещё горели багровым огнём. Он отчеканил каждое слово:

— Чу Суй — это исключение.

Он повторил, словно вбивая гвозди:

— А-Но, Чу Суй — всего лишь исключение.

— Ты в своё время костями лёг, чтобы не идти к Капе, и настоял на союзе с Чу Суем. Я пытался тебя отговорить, но жизнь показала, что ты сделал правильный выбор, — Альвин поднялся и подошёл к нему, глядя вдаль, туда, где за горизонтом скрывалось неясное будущее. — Но ты не можешь отрицать: подавляющее большинство самцов — такие же подонки, как Капе...

А-Но промолчал, потому что крыть ему было нечем. Раньше он тоже пребывал в отчаянии, не видя ни одного пути, который вёл бы к свету. Он не мог представить, как учить своих будущих детей выживать в этом искажённом мире.

Как научить их стоять прямо, а не пресмыкаться у ног господина?

Возможно, когда-нибудь они и склонят колени, но это должно быть их добровольное решение, основанное на преданности и готовности отдать жизнь за любимого человека.

Альвин перевёл взгляд на спину А-Но. Казалось, его взор способен пронзить ткань кителя и увидеть те страшные шрамы, что пересекают спину генерала. Он с горькой иронией бросил:

— Получить такие раны ради самца... Прости за прямоту, но это верх глупости.

Тот непроизвольно коснулся своего плеча. Благодаря феноменальной регенерации инсектоидов раны уже затянулись, но даже через одежду он чувствовал неровности шрамов.

— Он другой, — тихо ответил А-Но. — Альвин, он совсем другой.

Собеседник лишь холодно усмехнулся:

— Жалкий ты инсектоид. Стоило самцу проявить к тебе каплю доброты, как ты возвёл это в ранг величайшей милости и готов плакать от благодарности. Это не просто глупость, А-Но. Это трагедия.

В глазах Альвина Чу Суй, возможно, и был чуть лучше остальных, но в глобальном смысле он

оставался таким же порождением системы.

А-Но хотел возразить, но промолчал. Он рассеянно поправил воротник и подумал: зачем спорить об этом с одиноким воином, у которого нет своего господина?

Вчера, когда Чу Суй обнаружил его ранение, он в ультимативной форме потребовал, чтобы генерал остался дома. Тот сверился со временем — Повелитель скоро должен был закончить работу и вернуться. Если он не застанет А-Но дома, подозрений не избежать. Он выпрямился и бросил взгляд на Капе, который сейчас больше напоминал бездыханную тушу.

— За расследование исчезновения отвечает Четвёртый легион, но всё же постарайся не оставлять следов.

Он имел в виду, что Альвину стоит быть осторожнее и не давать повода для лишних слухов.

— Мне пора.

А-Но развернулся, чтобы уйти, но не успел сделать и пары шагов, как за спиной раздался голос Альвина:

— На планете Касло снова вспыхнуло нашествие чудовищ. Твари прошли очередной виток эволюции, с ними будет непросто справиться. Третья армия уже подала прошение о выступлении.

Намёк был прозрачен — это отличный шанс отличиться в бою. Место Генерала Четвёртого легиона всё ещё вакантно, и сейчас — лучшее время для карьерного рывка.

Генерал замедлил шаг, но не дал прямого ответа.

— Я подумаю, — бросил он и вышел за дверь.

Альвин явно не ожидал, что его верный соратник, с которым они прошли не одну битву, проявит колебания в таком важном вопросе. Он в недоумении проводил его взглядом, а затем со злостью ударил Капе в живот:

— Правду говорят: самцы только мешают воевать!

***

А-Но рассчитал время так, чтобы вернуться за полчаса до прихода мужа. Однако, переступив порог, он обнаружил, что Чу Суй уже дома — он сидел на диване в гостиной, просматривая

передачи, а напротив него расположился инсектоид в строгом костюме.

— Господин Чу Суй, благодарю, что нашли время для встречи. Информация уже направлена на ваш терминал. Надеюсь, вы всерьёз обдумаете моё предложение.

Гость вежливо кивнул и направился к выходу, столкнувшись в дверях с А-Но. Заметив знаки различия на его плечах, он широко улыбнулся:

— О, генерал-лейтенант А-Но, сколько лет! Рад видеть вас в добром здравии.

Про себя он отметил: в прошлую встречу А-Но был лишь бригадным генералом, а теперь уже в таком высоком чине. Поистине, блестящий талант.

А-Но ещё не придумал, как объяснить мужу своё отсутствие, но этот неожиданный визитёр окончательно выбил его из колеи. Взглянув на гостя, он узнал его:

— Директор Лайкин, добрый день.

Лайкин курировал вопросы подбора партнёров для одиноких воинов Империи. Если говорить проще, он возглавлял своего рода «брачное бюро». Его задачей было содействовать созданию пар, чтобы самцы брали как можно больше наложниц, способствуя процветанию расы.

Видеть такого человека в своём доме для женатого инсектоида было дурным знаком.

Генерал даже не стал спрашивать о цели визита. Он вежливо посторонился, сохраняя безупречную выправку:

— Директор Лайкин, не смею вас задерживать. Всего доброго.

Лайкин: «...»

Директор на мгновение опешил, а затем неловко улыбнулся:

— Что ж, генерал, тогда я откланяюсь. До скорой встречи.

С этими словами он поспешно удалился.

А-Но проводил его взглядом до самых ворот, а затем с силой запер дверь. Пока он лихорадочно размышлял о причинах визита, в тишине гостиной раздался ленивый голос мужа:

— Вы знакомы?

Тот обернулся и встретился с взглядом Чу Суя. Сердце предательски ёкнуло, но он заставил себя сохранять спокойствие. Подойдя ближе, он опустился на колени у ног мужа и поставил на журнальный столик коробку с лакомствами:

— Повелитель, прошу прощения. Я выходил за покупками и не встретил вас вовремя...

— Встань, — внезапно перебил его Чу Суй.

А-Но замер в недоумении:

— Что?

Повелитель нахмурился, глядя на его колени:

— Вставай, говорю.

Только тогда до генерала дошёл смысл приказа. Он медленно поднялся. Чу Суй уже давно не требовал от него преклонять колени, и сейчас это было лишь следствием его смятения и старой привычки.

Тот взглянул на коробку — это были сладости из лавки, которую он любил больше всего.

— Значит, ходил за пирожными?

Сам он вернулся ещё в час дня и просидел дома больше четырёх часов. Даже если А-Но ходил за сладостями, это не могло занять столько времени. Да и вид у него был слишком виноватый.

Повелитель коснулся затылка.

«Твою мать, неужели и впрямь рога?»

— И что, за пирожными нужно стоять в очереди полдня? — подозрительно спросил он.

Чу Суй был прямолинеен и простодушен, как и полагается избалованному молодому человеку. Он не умел юлить и проверять, в отличие от военных, прошедших школу допросов. Его вопросы били в лоб.

А-Но не хотел лгать. Помедлив, он тихо пояснил:

— Прошу прощения. Когда я пришёл, первую партию уже раскупили. Пришлось ждать новой поставки и стоять в очереди.

Повелитель вспомнил, что кондитерская действительно пользовалась бешеной популярностью и без очереди там было не обойтись. Он нехотя поверил, но тут же перешёл к главному:

— А что связывает тебя с этим... как его...

Он никак не мог вспомнить имя гостя.

— С директором Лайкиным? — подсказал А-Но.

— Точно, с ним. Вы что, старые друзья?

Генералу показалось, что в голосе Чу Суя проскользнули странные нотки. Он мягко улыбнулся:

— Мы виделись лишь однажды, едва знакомы. А зачем он приходил к вам? Было какое-то важное дело?

В его вопросе сквозила тень надежды. Но муж сегодня был не в настроении играть в загадки. Он открыл коробку со сладостями, обнаружил, что они уже остыли, и с досадой отпихнул её. Переключив канал, он мельком взглянул на А-Но и усмехнулся:

— Хочешь знать?

Тот помедлил, а затем положил ладонь на колено мужа и серьёзно произнёс:

— Я хочу знать о вас всё, Повелитель.

Чу Суй хмыкнул про себя. Надо же, раньше он и не замечал, что А-Но умеет быть таким настойчивым. Он взял из вазы яблоко, с хрустом откусил кусок и, прожевав, небрежно бросил:

— Да так. Предлагал мне взять наложниц.

«Так я и знал...»

Сердце генерала ухнуло вниз. Чу Суй — самец А-ранга, и по закону ему полагалось иметь не менее пятнадцати наложниц. История с его исчезновением всё же принесла плоды: А-Но из-за службы не мог защищать его круглосуточно, а наличие наложниц в доме во многом решило бы вопрос безопасности.

К тому же у Повелителя была лишь одна супруга — по меркам Империи это было вопиюще мало. Визит Лайкина был лишь вопросом времени.

Генерал готовил себя к этому ещё в день свадьбы, зная законы общества, но сейчас, когда это стало реальностью, он ощутил, как в груди разливается свинцовая тяжесть. Дышать стало трудно.

Чу Суй тем временем методично расправлялся с яблоком. А-Но, не выдержав напряжения, осторожно спросил:

— И что же... вы ему ответили?

Его пальцы, лежащие на колене мужа, непроизвольно сжались, но сам он этого не заметил.

Тот лениво вскинул бровь, глядя на его руку, и уклончиво протянул:

— А что тут отвечать? Так и ответил, как есть.

Он по обыкновению казался совершенно равнодушным ко всему на свете. А-Но замер, пытаясь осознать его слова. Спустя мгновение он взял себя в руки и, решив больше не пытаться мужа вопросами, произнёс:

— Я пойду приготовлю ужин.

Он взял со стола остывшие сладости и ушёл на кухню, чтобы разогреть их.

Чу Суй проводил его взглядом, отправил огрызок в полёт в сторону корзины, но промахнулся. Огрызок с глухим звуком упал на пол, и домашний робот тут же замигал огнями, устремляясь к нему, как трудолюбивая пчёлка:

[Мусор, мусор! Я обожаю мусор!]

Чу Суй проигнорировал его, подперев подбородок рукой. Его мысли вернулись к разговору двухчасовой давности.

Лайкин, хоть и называл себя директором какого-то там департамента, в глазах Чу Суя выглядел обычным сводником. Он явился без приглашения и с невероятным воодушевлением начал листать пухлые каталоги, предлагая выбрать наложниц. Причём не одну, а сразу пятерых.

— Господин Чу Суй, у вас в доме лишь одна супруга, это совершенно не соответствует вашему

статусу. Вам необходимо взять несколько наложниц. Они не только окружают вас заботой, но и внесут свой вклад в процветание расы. А если вам посчастливится зачать наследника-самца, это будет просто великолепно!

Когда пришёл Лайкин, А-Но не было дома. Директор застал Повелителя в полном одиночестве: тот сидел на диване и меланхолично грыз яблоко. Обстановка показалась Лайкину слишком скромной, почти унылой, и он решил, что супруга не справляется со своими обязанностями. Это лишь подстегнуло его красноречие.

— Вы — драгоценный самец А-ранга. По закону вам положено как минимум пятнадцать наложниц. Конечно, учитывая, что сейчас у вас лишь одна супруга, стоит начать с малого. У меня здесь реестр лучших одиноких воинов столицы — безупречная внешность, отличная родословная. Можете выбирать любого...

Он распинался, как коммивояжер на распродаже. Чу Суй, который сегодня пребывал в отличном расположении духа после известия о гибели Капе, поначалу даже не злился. Он терпеливо выслушивал этот поток слов, но в конце концов не выдержал и перебил:

— Не стоит. Почки не тянут.

Лайкин на мгновение лишился дара речи:

— Простите?

Чу Суй посмотрел на него и с предельной серьёзностью, чеканя каждое слово, повторил:

— Я говорю: почки не справляются.

Физиология инсектоидов мало чем отличалась от человеческой, и подобное заявление означало лишь одно — сексуальную несостоятельность. Когда до Лайкина дошёл смысл сказанного, он впал в ступор. Он смотрел на Повелителя и не мог поверить своим ушам.

Такой молодой, такой красивый — и уже... проблемы со здоровьем? Поистине, внешность обманчива...

Благодаря этой фразе Лайкин наконец замолк. Он неловко попытался выразить сочувствие, а затем, оставив контакты одного из лучших врачей Империи, поспешно откланялся.

***

На кухне А-Но хлопотал над ужином. Его обычная сосредоточенность и уверенность куда-то исчезли — он действовал рассеянно, невпопад. Нарезав овощи, он только в последний момент

заметил, что бульон в кастрюле почти выкипел, и ему пришлось начинать всё заново.

В тишине он слышал собственное дыхание. Опустив взгляд, генерал продолжал механически резать овощи.

«Один, или двое? Или больше?»

«Кто знает, как долго продлится этот интерес к одной супруге...»

Тёмными ночами Повелитель будет обнимать новых фавориток, целовать их так же нежно, как когда-то его самого, шептать им слова на ухо...

А-Но погрузился в свои безрадостные размышления, пальцы на рукояти ножа сжались слишком сильно. Внезапная острая боль привела его в чувство — лезвие соскользнуло, и на пальце проступила кровь.

Генерал S-ранга, мастерски владеющий любимым оружием, порезался на собственной кухне. Расскажи кому — засмеют.

Испорченные овощи отправились в корзину. А-Но опустил голову, пряча в глубине глаз тёмную тоску. Он молча подставил палец под струю воды, и в памяти невольно всплыли слова Альвина.

«Получить такие раны ради самца... Это верх глупости».

«Жалкий ты инсектоид. Стоило самцу проявить к тебе каплю доброты, как ты возвёл это в ранг величайшей милости. Это трагедия».

Трагедия? Глупость? Наверное, ни то и ни другое. Просто он стал слишком жадным до этой крупы тепла.

Вода продолжала течь, смывая алую кровь. Чу Суй, случайно заглянувший на кухню, увидел мужа, застывшего у раковины. Тот выглядел совершенно потерянным. Повелитель уже хотел хлопнуть его по плечу, но вовремя вспомнил о ране на спине и сдержался. Он просто щелкнул пальцами у него над ухом:

— О чём задумался?

А-Но вздрогнул от резкого звука. Опомившись, он поспешно убрал руку. Сенсорный кран перекрыл воду.

— Повелитель, почему вы здесь?..

Он осекся, понимая, что его медлительность наверняка вызвала недовольство мужа.

— Простите, я заставил вас ждать.

Рана на пальце снова начала кровить. Генерал попытался незаметно спрятать руку за спину, но Чу Суй оказался быстрее. Он перехватил запястье мужа и с силой потянул его ладонь к себе. Разглядывая порез, он недовольно цыкнул:

— Опять ты за своё. То спина, теперь вот палец. Как ты умудрился?

А-Но молча смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова. Чу Суй огляделся по сторонам в поисках аптечки:

— Где у тебя тут мазь?

Обычно всем бытом заправлял А-Но. Повелитель, этот избалованный молодой господин, понятия не имел, где в собственном доме лежат бинты. Заметив, что кровь продолжает сочиться, Чу Суй невольно спросил:

— Больно?

Он ожидал привычного «Никак нет» или мягкой улыбки, мол, это сущие пустяки по сравнению с тем, что ему доводилось переживать раньше. Но А-Но замер. После долгого, тягучего молчания его голос, хриплый и надломленный, сорвался на едва слышный шёпот:

— Больно...

<http://bllate.org/book/15807/1439572>